

казалось, налогоплательщики должны были оказать системе *adaeratio*. Я писал тогда следующее:

«С первого взгляда это может показаться странным. Земельные собственники и колонны были обязаны сдать ежегодно определенное количество продуктов, установленное независимо от урожая; по существу, следовательно, им очень редко приходилось платить одинаковый налог. В высокоурожайные годы, когда цена падала, они должны были вносить как налог определенное количество сельскохозяйственных продуктов. Но тем более страдали они в плохие годы, когда, несмотря на возросшие цены, им приходилось давать такое количество продуктов, стоимость которого превосходила во многом действительную сумму налога, поскольку оценка этих продуктов никогда не производилась в интересах плательщиков.

Ясно, что в таком случае люди предпочитали платить налог в денежной форме, поскольку тем самым устанавливалось более устойчивое и вместе с тем более терпимое соотношение между размерами производства продуктов и налогами. В плохие годы цены на продукты возрастали, и, несмотря на плохой урожай, денег хватало на оплату налогов. В урожайные годы цены падали, но избыток продукции восстанавливал равновесие. Этим объясняется тот факт, что в последние века существования Римской империи население постоянно требовало возвращения к денежной оплате налогов. Кроме того, эта система имела то преимущество, что препятствовала проявлению произвола. Возможность произвола и объясняет, по крайней мере в некоторой степени, сохранение системы натуральной оплаты, которая была выгодна в первую очередь сборщикам налогов и военачальникам, но отнюдь не населению. Продукты, превышавшие личные нужды получателей налогов, или жалованье, выплаченное в натуре, могли быть проданы в подходящий момент, но уже по куда более высокой цене, чем та, по которой они были оценены при сдаче в счет налога»¹³. На самом деле сделанные мною в этой работе ссылки на ряд мер, принятых императором Юлианом для ограничения произвола при применении системы *adaeratio*, т. е. при замене натуральных платежей денежными, отнюдь не обосновывали только что процитированное мое утверждение. В ту пору, когда я писал эти строки, я еще не отдавал себе отчета в позиции того класса, который вдохновлял политику императоров; кроме того, я был неправ, рассматривая налогоплательщиков как единую категорию по отношению к императорскому фиску. Ограниченность идеалистического понимания истории помешала тогда автору увидеть, насколько ошибочна та концепция, которую он разделял, и те выводы, к которым он примкнул. Ясно, что уплата налога в натуре больше соответствует интересам плательщиков, тогда как *adaeratio* ни в каком случае не могла означать снижения фискальных обязанностей, ложившихся на плечи мелких производителей; наоборот, она явилась достаточно ощутимым бременем.

На основании других документов, касающихся эпохи Константина I и его преемников, почти к такому же выводу, а именно, что система *adaeratio* была более обременительна, чем натуральные платежи, пришел и Маццарино. Он привлек для доказательства этой мысли свидетельство анонимного автора книги «*De rebus bellicis*», который утверждал, что бедность (*afflicta paupertas*), в которой пребывают *tenuiores*, побуждает их к мятежу, и подчеркивал, что это положение, ставшее невыносимым, было порождено денежной политикой императора Константина¹⁴. Следует запо-

¹³ E. Condurachi. Op. cit., p. 132.

¹⁴ Ср. E. A. Thompson. A Roman informer and inventor. Oxford, 1952.